

Трибуна молодого автора

УДК 94(37)''-4''(045)

А.И. Черкасов

РИМСКО-САМНИТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЗЕМЛЯХ ВЕСТИНОВ И МАРРУЦИНОВ В 325–302 ГОДАХ ДО НАШЕЙ ЭРЫ: ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье анализируется борьба римлян и самнитов за контроль над племенами вестингов и марруцинов как столкновение двух путей исторического развития в годы Второй Самнитской войны. В связи с этим также поднимается проблема исторического выбора малых народов, вовлечённых в конфликт двух крупных сил. На основе кратких сведений письменных источников и фрагментарных археологических, эпиграфических и нумизматических данных в исследовании прослеживаются основные этапы римско-самнитского противостояния в землях вестингов и марруцинов. Первоначально обе стороны пытались обеспечить контроль над племенами дипломатическими методами, однако вестинги, исходя из этно-культурной близости, сделали исторический выбор в пользу самнитов, в то время как марруцины на основе расчётливого прагматизма сохранили нейтралитет. Тем не менее, судьба обоих племён была решена не в местных собраниях, а в сражениях Второй Самнитской войны, по итогу которой вестинги и марруцины вынуждены были подчиниться Риму, вступив на путь новых культурных трансформаций.

Ключевые слова: Рим, самниты, вестинги, марруцины, Самнитские войны, ранняя романизация.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-178-183

Римско-самнитское противостояние, по сравнению со всеми предшествующими локальными конфликтами, представляло собой новый тип крупномасштабного и долгосрочного конфликта, охватившего большую часть Апеннинского полуострова. Племена вестингов и марруцинов, в надежде сохранить свою независимость, вынуждены были подстраиваться под новые условия резко обострившихся военно-политических отношений, которые требовали от них сделать выбор в пользу одной из сторон противоборства. Находясь на переломном этапе, малым племенам предстояло принять решение не только в пользу той или иной крупной силы, но и сделать исторический выбор между двумя путями развития, с одной стороны, этнически родственными самнитами, являвшимися олицетворением независимой, но раздробленной Италии, а с другой – чуждым, но «прогрессивным» Римом, федеративное объединение которого было привлекательно с точки зрения сильной центральной власти, способной обеспечить защиту и мир без вмешательства во внутренние дела. Кроме того, в долгосрочной исторической перспективе, которую ещё не осознавали племена древней Италии в IV в. до н.э., римский путь являлся единственным, который был способен объединить разрозненные народы.

Участие вестингов и марруцинов в Самнитских войнах ранее не изучалось в рамках специальных исследований в принципе, а в общих трудах затрагивалось только косвенно в контексте более широких вопросов, поскольку имеющийся материал ограничивался лишь очень краткими упоминаниями в письменных источниках. Однако археологические открытия последних десятилетий на современном этапе исследований позволяют углубить и расширить понимание не только отдельных аспектов римско-самнитской борьбы, но и проследить обозначившиеся под её влиянием культурные трансформации в землях вестингов и марруцинов. Вследствие этого с целью восполнить пробел в историографии необходимо очертить контуры взаимоотношений двух малых племён с римлянами и самнитами на основе эпизодических сведений письменных источников с привлечением фрагментарных археологических, эпиграфических и нумизматических свидетельств. Кроме того, изучение политической позиции вестингов и марруцинов позволит привести дополнительный пример в контекст более широких дискуссий об историческом выборе народов прошлого, находящихся на переломном этапе своего развития.

Первое столкновение между римлянами и самнитами в 343–341 гг. до н.э. ограничивалось только локальной борьбой за контроль над северной Кампанией, однако по мере расширения масштабов противостояния в годы Второй Самнитской войны 327–304 гг. до н.э. в орбите их военно-

политических интересов вскоре оказались вестины и марруцины. На новом этапе борьбы, затронувшей большую часть Центральной и Южной Италии, земли обоих племён приобрели важное стратегическое значение в военных планах сторон: римляне надеялись обеспечить свободный проход своим войскам для защиты новых апулийских союзников, надеясь в дальнейшем окружить самнитов, последние, напротив, пытались препятствовать объединению вражеских сил, чтобы сохранить исключительную сферу влияния в землях давниев и избежать изоляции. Без контроля над землями вестинов и марруцинов римляне и самниты не имели возможности реализовать свои планы, именно поэтому они пытались различными путями склонить малые племена на свою сторону.

Если вестины достаточно быстро определились со своей позицией, заключив союз с самнитами в 325 г. до н.э. (Liv. VIII. 29. 1), то дипломатический статус марруцинов остаётся неоднозначным в силу отсутствия прямых сведений в источниках. Одни исследователи предположили, что марруцины по аналогии с вестинами вступили в союз с самнитами [18, р. 138], другие – выдвинули гипотезу об их дружественном нейтралитете по отношению к Риму [9, р. 305]. Однако марруцины вплоть до 312 г. до н.э. не проявляли никакой враждебности в отношении Рима, позволяя его войскам свободно перемещаться через свои территории, что не позволяет согласиться с предположением об их союзе с самнитами. Вероятно, марруцины предпочли компромиссное решение, в рамках которого они сохраняли нейтралитет, но предоставляли право прохода римским войскам в Апулию, надеясь избежать прямой конфронтации.

Первоначально самниты также отдавали предпочтение дипломатии, однако они сумели заключить союз только с вестинами, которые к 325 г. до н.э. уже находились под оскским культурным влиянием. В археологическом и эпиграфическом материале вестинов в IV в. до н.э. прослеживаются следы глубокой культурной трансформации – если в V в. до н.э. они ориентировались на этрусков, то уже в IV в. до н.э. происходит разворот в сторону самнитского мира [8, р. 21], что также отразилось и на местном диалекте, который приобрёл больше черт оскского языка, нежели ранее преобладавшего умбрийского [15, р. 519]. Тем самым исторический выбор вестинов был обусловлен наличием тесных контактов с самнитами и осознанной культурной переориентацией на протяжении IV в. до н.э. Вместо расчётливого прагматизма, которого первоначально придерживались марруцины, вестины приняли решение, исходя из этно-культурной близости с самнитами.

Однако Рим, осознавая важное стратегическое значение «апулийского пути», уже в 325 г. до н.э. отправил войско консула Юния Сцевы против вестинов, организовав одновременное наступление второго консула на самнитов с целью сковать их силы на другом направлении (Liv. VIII. 29. 6–7). В подобных обстоятельствах вестины, потеряв надежду на прибытие самнитского подкрепления, перешли к оборонительной тактике, рассредоточив войска в укрепленных поселениях. Однако Юний Сцева вместо осады крепостей принялся опустошать территории вестинов, вынудив их покинуть укрепления и сосредоточить силы для решительной битвы. В сражении вестины потерпели поражение, что вынудило их вновь укрыться в крепостях, римские же войска, несмотря на понесённые потери, захватили важные оборонительные центры Кутину и Цингилию (Liv. VIII. 29. 11–14).

Некоторые гиперкритики отрицали достоверность вестинской кампании 325 г. до н.э., считая её дублетом 317 г. до н.э. [2, s. 404], либо перенося военные действия в земли эквов и пиценов на основе сходства названий поселений [17, р. 260, п. 30]. Однако мнимые совпадения не могут являться достаточным аргументом для отрицания событий целой военной кампании, которая к тому же не содержит каких-либо логических противоречий. В более умеренной трактовке Ф. Мюнцер признал события 325 г. до н.э. достоверными, но предположил, что успехи Юния Сцевы были сильно преувеличены в источниках, поскольку по итогу он не получил триумфа за свои победы [16, s. 1027]. Однако факты и даже детали в описании Ливия в данном случае соответствуют общим археологическим данным, полученным в результате раскопок последних десятилетий. В частности, на территории вестинов археологи выявили несколько десятков малых высокогорных укрепленных поселений [4, р. 302], что вполне соотносится со сведениями Ливия о значительной роли крепостей в оборонительной войне против римлян. Кроме того, высокогорное и труднодоступное расположение вестинских городищ объясняет причину, по которой консул изначально не пытался их захватить, предпочтя сначала выманить и разбить основные силы противника прежде, чем приступить к осаде укреплений. Наиболее примечательной является крепость в совр. Монте-ди-Серро, стены которой были возведены ещё в X в. до н.э., но впервые перестроены и укреплены только в IV в. до н.э. [5, р. 165–166], что, вероятнее всего, произошло в преддверии римского вторжения 325 г. до н.э. По мнению С. Бурдена, руководившего рас-

копками на памятниках вестингов, Монте-ди-Серро вместе с Колле-Сепарой или Колле-делла-Баттальяей и являлись неизвестными Кутиной и Цингилией [3, р. 29–30], что также проливает некоторый свет на масштабы военной кампании Юния Сцевы. Размеры трёх упомянутых укреплений варьировались от 2,7 до 7,2 га [3, р. 30], представляя, по своей сути, очень маленькие деревни. Кроме того, почти все вестинские поселения не были затронуты военными действиями, сохранив преемственность жизнедеятельности с римским периодом [20, р. 90]. Исходя из этого, можно предположить, что все успехи консула ограничивались только победой в сражении со значительными потерями и захватом двух небольших укрепленных деревень, чего явно было недостаточно для предоставления триумфа, несмотря на общий успех военной кампании.

Тем не менее, дипломатический итог римского похода 325 г. до н.э. остаётся неопределённым, поскольку источники ничего не сообщают о заключении мирного соглашения. В связи с этим некоторые исследователи предположили, что Рим не подписывал мира [1, р. 199], либо, напротив, сразу заключил договор [4, р. 301]. Однако в последующие годы вестинги не принимали никакого участия в войне, подписав договор с Римом только в 302 г. до н.э. (Liv. X. 3. 1), вследствие чего наиболее вероятным итогом их частичного военного поражения представляется подписание перемирия с сопутствующим отказом от союза с самнитами, но при сохранении независимости, что в целом являлось благоприятным исходом для квиритов.

Марруцины, в свою очередь, продолжали придерживаться нейтралитета, однако на заключительном этапе Второй Самнитской войны они резко изменили свою дипломатическую позицию, открыто выступив против Рима в 312 г. до н.э. Причины настолько неожиданного решения сделать исторический выбор в пользу самнитов в наиболее неблагоприятный момент, когда Рим завладел стратегической инициативой в войне, остаются неопределёнными. Можно лишь предположить, что ослабление самнитов и чрезмерное усиление могущества Рима за их счёт, а также его постоянное военное присутствие в Центральной Италии, воспринималось малым племенем как неминуемая угроза потери собственной независимости, даже при сохранении дружественного нейтралитета. Вследствие этого марруцины, продолжая придерживаться прагматичного курса, приняли решение поддержать самнитов, чтобы посредством восстановления баланса сил сохранить свой суверенитет. В данном случае фактор этно-культурной близости играл второстепенную роль, поскольку на протяжении большей части Второй Самнитской войны марруцины предоставляли право прохода для римских войск, отказываясь присоединяться к самнитам.

Вооружённое выступление марруцинов в 312 г. до н.э. прервало стратегическую связь Рима с Апулией, именно по этой причине сенат сразу же отправил войско против поселения Поллитий с целью восстановить контроль над нелояльным племенем (Diod. XIX. 105. 5). Однако итоги похода остаются неизвестными, поскольку Диодор ограничивается лишь краткой заметкой, а Ливий и вовсе умалчивает о марруцинской кампании. Исходя из этого, К. Бургер предположил, что античные авторы намеренно не сообщили итоги похода, чтобы сокрыть факт поражения римских войск [6, s. 67]. Тем не менее, в дальнейшем Рим поддерживал беспрепятственную связь с Апулией, что явно свидетельствует об успехе кампании 312 г. до н.э. Вероятно, марруцины также вынуждены были вернуться к предшествующему нейтральному статусу, однако теперь они оказались в фактической зависимости от Рима, который недвусмысленно показал малому племени новую расстановку сил в Италии.

Утверждение военного превосходства Рима на протяжении последующих лет в конечном итоге привело его к победе во Второй Самнитской войне в 304 г. до н.э., что окончательно лишило вестингов и марруцинов возможности выбора между новым гегемоном и самнитами, и тем самым – между двумя путями развития. Согласно источникам, марруцины в этом же году по своей инициативе заключили с Римом договор о союзе и дружбе (Liv. IX. 45. 18; Diod. XX. 101. 6), который, вероятно, заменил предшествующее временное перемирие. Однако, несмотря на общие формулировки и предположение отдельных исследователей о равноправном характере соглашения [19, р. 151], все договоры Рима с менее слабыми народами, тем более после военной победы над ними, означали не что иное, как подчинение его власти [14, р. 153]. Аналогичным образом и «добровольное» прошение о договоре во многом являлось вынужденной мерой, чего и не скрывает Ливий, открыто заявляя, что погибель эквов, большая часть из которых была уничтожена в 304 г. до н.э. после отказа подчиниться Риму (IX. 45. 17), «послужила уроком марруцинам» (IX. 45. 18). Тем не менее, последние вошли в состав Римско-италийской федерации на относительно благоприятных условиях, получив статус *socii* («союзника»), который позволял им сохранить внутреннюю автономию в обмен на предоставление

войск Риму. Подтверждением союзного статуса в составе Федерации могут служить как эпиграфические свидетельства III в. до н.э., зафиксировавшие сохранение местных магистратов (меддиксов) у марруцинов [10, p. 595], так и данные античных авторов, которые сообщают об их последующей военной поддержке римских легионов в качестве вспомогательных контингентов (Liv. XLIV. 40. 5; Sil. It. VIII. 519).

В отличие от марруцинов, вестины предпочли заключить договор о дружбе с Римом не сразу по завершении Второй Самнитской войны, а только в 302 г. до н.э. (Liv. X. 3. 1). Причины более позднего подписания соглашения остаются неизвестными, поэтому можно лишь предположить, что римляне вследствие нежелания вестинов самостоятельно подчиняться поставили им прямой ультиматум, как в случае эквов двумя годами ранее (Liv. IX. 45. 6–9), вынудив принять неравноправный договор, который Ливий преподнёс как добровольный. Неопределённой также является и содержательная часть соглашения, некоторые исследователи считают, что вестинам было навязано *civitas sine suffragio* («гражданство без права голоса») [7, p. 431]. Однако поскольку в дальнейшем они оказывали военную поддержку Риму не в составе легионов, а в качестве вспомогательных войск (Polyb. II. 24. 12; Liv. XLIV. 40. 6), то вестины однозначно получили статус *socii*, который, вероятно, был предоставлен по аналогии с марруцинами. В данном случае Рим не стал навязывать вестинам неполноправное гражданство, существенно ограничивающее их права и автономию, поскольку он принял во внимание, что они не оказывали серьёзного противодействия в ходе войны и согласились, хотя и не сразу, но всё же без сопротивления признать его верховную власть. Относительно договора 302 г. до н.э. Э. Габба, основываясь на сведениях Плиния Старшего о разделении вестинов на *Cismontani* («предгорных») и *Transmontani* («загорных») (NH. III. 12), предположил, что соглашение было заключено только с первыми [11, p. 104–105]. Однако Плиний Старший, по всей видимости, подразделил вестинов, исходя из географического, а не политического принципа, поскольку на местных монетах, чеканившихся в их главном поселении Пинна в III в. до н.э., отражена легенда «VES» [12, p. 19], которая показывает единство племенного объединения, а также является дополнительным подтверждением внутренней автономии в рамках статуса *socii*. Кроме того, все остальные античные авторы никогда не проводили деления вестинов на две группы, позиционируя их в качестве единого политического сообщества.

В конечном итоге, вестины и марруцины не только безоговорочно признавали римскую власть, но и вынуждены были отказаться от своего предшествующего исторического выбора, встав на путь новых культурных трансформаций. На протяжении III в. до н.э. в эпиграфическом материале марруцинов зафиксированы ранние процессы романизации, выраженные в заимствовании латинского алфавита (CIL. I. 3259), в отдельных случаях языка (CIL. I. 2883), начавших вытеснять местный диалект, а также римских богов (CIL. I. 2883) [13, p. 229–233]. Следы культурной переориентации на Рим слабее всего прослеживаются только в землях вестинов, что, очевидно, связано с их более тесными предшествующими связями с самнитами. В контексте их ранней романизации в III в. до н.э. известно только о заимствовании алфавита на упомянутых монетах из Пинны. Однако в целом оба племени, признав военное и культурное превосходство квиритов в конце IV в. до н.э., смиренно приняли римский путь исторического развития, отказавшись от дальнейших попыток поддержать самнитов.

Таким образом, римско-самнитское противостояние по мере расширения масштабов военной конфронтации затронуло земли вестинов и марруцинов, которые постепенно приобрели важное стратегическое значение. Первоначально обе стороны пытались дипломатическими методами обеспечить лояльность двух племён, однако последние, несмотря на общее этническое происхождение, приняли два противоположных исторических выбора – вестины поддержали самнитов, исходя из этнокультурной близости, а марруцины сохранили дружественный нейтралитет в отношении Рима на основе расчётливого прагматизма. Однако окончательно решение в пользу одного из двух путей исторического развития определялось исключительно итогом римско-самнитской борьбы. В результате победы Рима во Второй Самнитской войне вестины и марруцины вынуждены были вместо собственной воли признать решение, навязанное силой чужого оружия. Тем не менее, оба племени не испытывали непримиримого антагонизма по отношению к Риму, в связи с чем они достаточно спокойно приняли его неизбежную политическую и культурную гегемонию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arnold T., History of Rome. Vol. 2. 3rd. ed. London: B. Fellowes et al., 1845. 676 p.

2. *Beloch K. J.* Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Leipzig: De Cirynter & Co, 1926. 664 s.
3. *Bourdin S.* I centri fortificati vestini...venti anni dopo // *Itinera Archaeologica. Contributi di archeologia abruzzese.* Lanciano: Itinerari, 2006. P. 9–36.
4. *Bourdin S.* Il territorio dei Vestini Cismontani: dagli insediamenti d'altura alle praefecturae // *Atti del IV Convegno Internazionale di Studi Veleiati (Veleia-Lugagnano Val d'Arda, 20–21 Settembre 2013).* Bologna: Ante Quem, 2014. P. 299–311.
5. *Bourdin S.* Le ricerche dell'École française de Rome sui centri fortificati dei vestini cismontani (2006–2009) // *I Vestini e il loro territorio dalla Preistoria al Medioevo.* Rome: École française de Rome, 2014. P. 155–166.
6. *Burger C. P.* Der Kampf zwischen Rom und Samnium, bis zum vollständigen Siege Roms, um 312 v. Chr. Amsterdam: J. Müller, 1898. 80 s.
7. *D'Alessandro S., d'Ercole V.* Gli scavi nell'abitato di Colle della Battaglia a Castel del Monte // *Il Fucino e le aree limitrofe nell'antichità: atti del III Convegno di Archeologia in ricordo di Walter Cianciusi (Avezzano, 13–15 novembre 2009).* Avezzano: Archeoclub d'Italia, 2011. P. 427–442.
8. *De Menna M., Di Tommaso P.* La necropoli di Colle Fiorano // *Loreto Aprutino ed il suo territorio fra Preistoria e Medioevo.* Loreto Aprutino: Carsa, 1998. – P. 19–25.
9. *De Sanctis G.* Storia dei Romani. Vol. 2. Torino; Milano; Roma: Fratelli, Bocca, 1907. 575 p.
10. *Dionisio A.* La valle del Sagittario e la conca peligna, Abruzzo, tra il IV e il I secolo A.C. Oxford: BAR, 2015. 626 p.
11. *Gabba E.* Urbanizzazione e rinovamenti urbanistici nell' Italia centro-meridionale del I. sec. a.C. // *Studi classici e orientali.* 1972. Vol. 21. P. 73–112.
12. *Historia numorum: Italy / Gen. ed. by N. K. Rutter.* London: British Museum Press, 2001. 223 p.
13. *Imagines Italicae: a corpus of Italic inscriptions. Vol. I / Gen. ed. by M. H. Crawford.* London: Institute of Classical Studies, 2011. 611 p.
14. *Mainardis F., Zaccaria C.* I Romani e la penisola // *Storia di Roma antica.* Rome: Newton and Compton, 2004. P. 153–165.
15. *Menozzi O., Acconcia V.* The Vestini // *The Peoples of Ancient Italy.* Boston; Berlin: De Gruyter, 2018. P. 519–542.
16. *Münzer F.* Iunius 60 // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.* 1918. Bd. X,1. S. 1026–1027.
17. *Salmon E. T.* Il Sannio e i Sanniti. – Torino: G. Einaudi, 1995. – 462 p.
18. *Scopacasa R.* Ancient Samnium: Settlement, Culture, and Identity between History and Archaeology. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 p.
19. *Shuckburgh E. S.* A History of Rome to the battle of Actium. New York: Macmillan and Co, 1894. 809 p.
20. *Staffa A. R.* Vestini Trasmontani // *Pinna Vestinorum e il popolo dei Vestini.* Vol. I. Rome: L'Erma di Bretschneider, 2011. P. 12–109.

Поступила в редакцию 25.12.2023

Черкасов Артём Игоревич,
аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355017, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
E-mail: arteomcherckasov@mail.ru

A.I. Cherkasov

ROMAN-SAMNITE CONFRONTATION IN THE LANDS OF THE VESTINI AND MARRUCINI IN 325-302 BC: MILITARY-DIPLOMATIC AND CULTURAL ASPECTS

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-178-183

The article analyzes the struggle of the Romans and Samnites for control over the Vestini and Marrucini tribes as a clash of two ways of historical development during the Second Samnite War. This also raises the issue of the historical choice of small peoples involved in the conflict of two major forces. Based on brief information from written sources and fragmentary archaeological, epigraphic and numismatic data, the study traces the main stages of the Roman-Samnite confrontation in the lands of the Vestini and Marrucini. Initially, both sides tried to ensure control over the tribes through diplomatic methods, but the Vestini, out of ethno-cultural affinity, made a historical choice in favour of the Samnites, while the Marrucini, based on prudent pragmatism, maintained neutrality. Nevertheless, the fate of both tribes was decided not in local assemblies, but in the battles of the Second Samnite War, as a result of which the Vestini and Marrucini were forced to submit to Rome, embarking on the path of new cultural transformations.

Keywords: Rome, Samnites, Vestini, Marrucini, Samnite Wars, early romanization.

REFERENCES

1. *Arnold T.* History of Rome. Vol. 2. 3rd. ed. London, B. Fellowes et al., 1845, 676 p.
2. *Beloch K. J.* Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Leipzig, De Ciryter & Co, 1926, 664 s.
3. *Bourdin S.* I centri fortificati vestini... venti anni dopo. In: *Itinera Archaeologica. Contributi di archeologia abruzzese.* Lanciano, Itinerari, 2006, pp. 9–36.
4. *Bourdin S.* Il territorio dei Vestini Cismontani: dagli insediamenti d'altura alle praefecturae. In: *Atti del IV Convegno Internazionale di Studi Veleiati (Veleia-Lugagnano Val d'Arda, 20–21 Settembre 2013).* Bologna, Ante Quem, 2014, pp. 299–311.
5. *Bourdin S.* Le ricerche dell'École française de Rome sui centri fortificati dei vestini cismontani (2006–2009). In: *I Vestini e il loro territorio dalla Preistoria al Medioevo.* Rome, École française de Rome, 2014, pp. 155–166.
6. *Burger C. P.* Der Kampf zwischen Rom und Samnium, bis zum vollständigen Siege Roms, um 312 v. Chr. Amsterdam, J. Müller, 1898, 80 s.
7. *D'Alessandro S., d'Ercole V.* Gli scavi nell'abitato di Colle della Battaglia a Castel del Monte. In: *Il Fucino e le aree limitrofe nell'antichità: atti del III Convegno di Archeologia in ricordo di Walter Cianciusi (Avezzano, 13–15 novembre 2009).* Avezzano, Archeoclub d'Italia, 2011, pp. 427–442.
8. *De Menna M., Di Tommaso P.* La necropoli di Colle Fiorano. In: *Loreto Aprutino ed il suo territorio fra Preistoria e Medioevo.* Loreto Aprutino, Carsa, 1998, pp. 19–25.
9. *De Sanctis G.* Storia dei Romani. Vol. 2. Torino, Milano, Roma, Fratelli, Bocca, 1907, 575 p.
10. *Dionisio A.* La valle del Sagittario e la conca peligna, Abruzzo, tra il IV e il I secolo A.C. Oxford, BAR, 2015, 626 p.
11. *Gabba E.* Urbanizzazione e rinnovamenti urbanistici nell'Italia centro-meridionale del I. sec. a.C. *Studi classici e orientali*, 1972, no. 21, pp. 73–112.
12. *Historia numorum: Italy / Gen. ed. by N. K. Rutter.* London, British Museum Press, 2001, 223 p.
13. *Imagines Italicae: a corpus of Italic inscriptions. Vol. I / Gen. ed. by M. H. Crawford.* London, Institute of Classical Studies, 2011, 611 p.
14. *Mainardis F., Zaccaria C.* I Romani e la penisola. In: *Storia di Roma antica.* Rome, Newton and Compton, 2004, pp. 153–165.
15. *Menozzi O., Acconcia V.* The Vestini. In: *The Peoples of Ancient Italy.* Boston, Berlin, De Gruyter, 2018, pp. 519–542.
16. *Münzer F.* Iunius 60. *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 1918, no. X,1, ss. 1026–1027.
17. *Salmon E. T.* Il Sannio e i Sanniti. Torino, G. Einaudi, 1995, 462 p.
18. *Scopacasa R.* Ancient Samnium: Settlement, Culture, and Identity between History and Archaeology. Oxford, Oxford University Press, 2015, 352 p.
19. *Shuckburgh E. S.* A History of Rome to the battle of Actium. New York, Macmillan and Co, 1894, 809 p.
20. *Staffa A. R.* Vestini Trasmontani. In: *Pinna Vestinorum e il popolo dei Vestini. Vol. I.* Rome, L'Erma di Bretschneider, 2011, pp. 12–109.

Received 25.12.2023

Cherkasov A.I., postgraduate student
of the Department of Foreign History, Political Studies and International Relations
North-Caucasus Federal University
Pushkina st., 1, Stavropol, Russia, 355017
E-mail: arteomcherckasov@mail.ru